

СЛОВО КАК СОСТАВНОЙ КОМПОНЕНТ КОНТЕКСТА В ПОЭЗИИ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Каждое поэтическое произведение – это продукт индивидуально-авторского мышления, который возникает как психологическая реакция на окружающий мир, как выражение внутреннего состояния и мироощущения поэта. Поэтому в языке поэзии преобладает субъективное, эмоциональное начало, которое сочетается с оценочностью и позицией авторского я. Таковы эстетические особенности поэзии – ее образность, символичность, аффективность, ассоциативность, смысловая многоплановость и так далее. Слово становится главным средством в процессе создания картины поэтического видения мира и подвергается творческой обработке и трансформации в плане формы и содержания. Слово выполняет в поэтическом тексте Марины Цветаевой эстетическую роль, а вместе с ритмом, интонацией, мелодией стиха, композицией является средством создания художественного образа, хотя само по себе оно не всегда образно (в традиционном смысле этого слова).

В поэзии Марины Цветаевой коннотация лежит у истоков того, что читается и понимается между строк. Это характерное свойство человеческого мышления и речи находит свое выражение в смысловой многоплановости, эмоциональной образности и экспрессивной напряженности цветаевской поэзии. Многообразие и неизменная сложность поэтического языка Марины Цветаевой способствуют множеству глубоких интерпретаций содержательной структуры и вместе с тем позволяют говорить о противоречиях в ее поэтическом творчестве. «Слова особенно сильны, когда они имеют два смысла, когда они живые глаза для тайны и через слюду обыденного смысла просвечивается второй смысл» [1, с. 269].

Для поэзии М.И. Цветаевой характерно частое употребление слов *время, век, час, миг, ночь, день*. Данные лексемы, обладая ярко выраженной временной семантикой, в поэтических текстах приобретают дополнительные понятийные и эмоционально-экспрессивные смыслы.

Слово *ночь* может приобретать пространственное значение, поскольку темнота, свойственная данному времени суток, покрывает всё окружающее пространство. Таким образом, погруженные в ночь предметы как бы растворяются, утрачивая свои грани и отличительные черты. В этих случаях мы можем наблюдать феномен синкретического слияния временного и пространственного смыслов: *Руки люблю / Целовать, и люблю / Имена раздавать / И ещё – раскрывать / Двери! / – Настежь – в тёмную ночь!* («Бессонница»). Побуждение, выраженное именной конструкцией с предлогом *темную ночь*, имеет явно выраженную пространственную семантику, поскольку

в подобных случаях налицо четкое указание на направление движения. С другой стороны, если *ночь* мыслится как некое направление, представляющее собой тот всеобъемлющий континуум, который окружает островок, неподверженный влиянию темноты (освещенное помещение), являющийся исходной точкой движения.

Безусловно, время, представляющее собой ту величину, которая определяет существование материи в каждой временной точке, не может мыслиться узко. В рамках одного четверостишия слово *ночь* может иметь совершенно разное значение: *В огромном городе моём – ночь. // Из дома сонного иду – прочь. // А люди думают: жена, дочь, – / А я запомнила одно: ночь* («Бессонница»). В первом случае слово *ночь* – время суток. Во втором – имеет предметно-одушевлённое значение и ставится в один ряд с существительными *жена, дочь*. *Ночь* в поэзии Цветаевой ассоциируется с тайной, которую способен открыть, разгадать не каждый. *Ночь* сочетается со словом *бессонная*. *Ночь* способна зажечь, открыть тайну. Таким образом, М. Цветаева видит мистический характер этого слова. Этот смысл вкладывался в слово *ночь* славянами издавна, но в поэзии М.И. Цветаевой оно более наполнено мистикой, т.к. *ночь* – время познания себя, тайн жизни, возможность прислушаться в тишине к особенному миру, к себе. Такое видоизменение смыслов обусловлено активным использованием системно-оказиональных компонентов, представляющих собой квантируемые компоненты семантики.

Поэтическое словоупотребление автора отличается уникальностью, нестандартностью, яркостью ассоциирования и смыслопорождения. Поэт по-новому интерпретирует сущность окружающих нас явлений и реалий, устанавливает парадоксальные ассоциативные связи между ними, ведь в создаваемом им поэтическом мире нет места банальности и случайности.

Сужение, акцентуализация коммуникативного потенциала и ассоциативных связей характерны, в частности, для слов, отражающих представления о внутреннем мире лирической героини. Например, *дом* (ключевое слово одноименного стихотворения) предстает как интимное пространство ее души. В контексте актуализируются признаки: *мой, родной, отчий*. Например: «*дом — будто юности моей / день*», «*будто молодость моя / — меня встречает*», «*девический дагерротип души моей*». Дом, стоящий на границе миров, служит одновременно защитой от жестокой реальности и надежным оплотом в эфемерности поэтического вымысла. В тексте целенаправленно актуализируются ассоциаты, формирующие общий смысл: «мечта о защищенном, изолированном от тягот и невзгод окружающего мира месте». Подобным образом реализуется коммуникативный потенциал еще ряда слов, например: *сад* интерпретируется как тихое убежище от мира; *рай* — как воображаемое место покоя избранных; *остров* — как пространство изолированное, уединенное. Так воплощается стремление автора защитить, сберечь чистоту и целостность своего Я, оградиться от посягательств

окружающей действительности, враждебной и чуждой. Контекст усиливает, образно трансформируя, ряд отдельных смысловых признаков, характерных для этих слов в узусе.

Марина Цветаева довольно часто использует в качестве изобразительно-выразительного приема авторское видение внутренней формы слова. Индивидуально-авторская мотивация возникает в результате сближения созвучных разнокорневых слов на основе их осмысления как мотивационно связанных в условиях контекста. На основе этого приема созданы целые стихотворения, например, из цикла «Жизни»: *Жизнь, ты часто рифмуешься с: лживо, – / безошибочен певчий слух! / ...Жизнь, ты явно рифмуешься с жиром: / Жизнь: держи его! Жизнь: нажим / жестокости у ножных костяшек / Кольца, в кость проникает рта! / Жизнь: ножи, на которых пляшет / Любящая. – Заждалась ножа.* В данном стихотворении из цикла «Жизни» прием индивидуально-авторской мотивации в сочетании с приемом звукописи актуализируют дополнительный смысл – сарказм. Текстовый ассоциативно-смысловый ряд на денотат *жизнь* содержит ассоциаты: *лживо, жир, нажим, держи, ножи*, отражающие разочарование, обманутые ожидания некогда восторженной девушки. Это не восхищение жизнью, а прямой вызов ей. Происходит расширение значений слова *жизнь* за счет внесения дополнительных коннотативных оттенков (наращивание объективных смыслов с помощью эмоционально-оценочного компонента): в художественном сознании Марины Цветаевой *жизнь* – внешнее бытие, окружающая действительность – предстает как объект чуждый внутреннему я лирического субъекта.

Для поэзии Марины Цветаевой свойственны образные корреляты индивидуального концептуального смысла ‘жизнь как скопление всех бед и несчастий, выпадающих на долю человека за его недолгое пребывание на земле’: так *жизнь – невыносимое мученье, жестокое наказание, тяжелая болезнь, тяжкое бремя, ад, орудие пытки и истязания человека, рельсы, ножи.* Дополнительными к идее чуждости внешнего бытия лирическому субъекту компонентами становятся также представления о *жизни-борьбе*, в которой не хочет участвовать лирическая героиня, а также о ложной и лживой сущности жизни, ее неистинности, призрачности: *Жизнь, ты часто рифмуешься с: лживо...; Неподражаемо лжет жизнь, / Сверх ожидания, сверх лжи...*

Компоненты коннотации лексемы, обусловленные ее синтагматическими связями и ассоциативной сопряженностью с контекстом, способствуют дополнительному смыслу, придают общению определенную модальность, индивидуальную значимость. И если информативность слова определяется номинативной функцией, то богатство и яркость речи, ее прагматическое и эстетическое воздействие на читателя чаще всего формируется коннотативными значениями.

Как показывает анализ, «почти каждое слово в тексте коннотативно, то есть обладает большим количеством дополнительных значений, имеющих как общий, так и частный, индивидуальный для каждого носителя языка характер» [2, с. 34].

Мы рассмотрели слово как составной элемент контекста, с которым оно находится в двусторонней связи. В определенных условиях различные ассоциативные наслоения (коннотации) как бы «обволакивают» концептуальное значение слова, более того, отодвигают его на второй план. Контекст обретает новую, ранее не свойственную ему предметно-логическую направленность и экспрессивно-оценочную окраску.

Литература

1. Харджиев, Н., Тренин, В. Поэтическая культура Маяковского / Н. Харджиев, В. Тренин. – М. : Искусство, 1970. – 328 с.
2. Плотников, Б.А. Основы семасиологии / В.В. Плотников. – Минск : Высш. шк., 1984. – 233 с.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ